

Д5
4-813

762

2863

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
* КАВ. УГОЛ. П.
и.в.

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

ПРОВЕРЕНО 1998 г.

37/6 н. ч. г. л.

СП6ЛУ

В. КОМИНСКО
И. В. КОМИНСКО
И. В. КОМИНСКО

4 813

20
813-1

Памяти Е. Д. Синицкаго.

(Род. 30 апр. 1866 г.—ум. 6 марта 1915 г.)

Русская наука и русское общество снова понесли серьезную утрату: послѣ двухъ лѣтъ тяжелыхъ страданій въ Кіевѣ скончался доцентъ Демидовскаго Юридическаго лица Евгенийъ Даниловичъ Синицкій.

Криминалистъ по специальности, Е. Д. проходилъ научный путь не совсѣмъ обычнымъ образомъ. По окончаніи гимназіи въ Кіевѣ, съ которымъ онъ былъ связанъ и рожденіемъ и многоразличными семейными и товарищескими узами, онъ отправился учиться юриспруденціи въ Юрьевъ, тогда еще старый нѣмецкій Дерптъ, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ въ строгой и систематической работѣ, посвящая свои досуги вдумчивому чтенію по литературѣ, философіи, публицистикѣ и различнымъ другимъ областямъ знанія.

По окончаніи университета Е. Д. жилъ то въ Москвѣ, то въ Кіевѣ. Онъ рѣшилъ готовиться къ университетской каедрѣ, но не стремился быть оставленнымъ при какомъ-либо университетѣ; человекъ съ рѣзко выраженной индивидуальностью, онъ не желалъ ставить свою работу въ обязательныя рамки, ни въ смыслѣ срока, ни въ смыслѣ содержанія работы; онъ стремился готовиться свободно, не гонясь за экономіей времени и имѣя возможность изучать въ деталяхъ излюбленные вопросы, самостоятельно складывать камень за камнемъ основы своего научнаго міросозерцанія и по временамъ отвлекаться отъ работы по специальности въ другія интересовавшія его сферы. Онъ любилъ искусство и особенно сценическое; онъ чутко переживалъ сумрачную полосу конца восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ, когда еще и помину не было даже о первыхъ ласточкахъ грядущей недолгой «весны»; онъ особенно болѣлъ отсталостью нашего отечества въ области народнаго образованія, много читалъ по вопросамъ образованія и воспитанія, много думалъ надъ этими вопросами и стремился посильно потрудиться въ этой области съ перомъ въ рукѣ, какъ научно подготовленный публицистъ.

Естественно, что при такихъ условіяхъ подготовка къ магистерскому экзамену затянулась. Лишь черезъ пять лѣтъ по окончаніи курса, получивъ одобреніе своей экзаменаціонной программы отъ проф. университета св. Владиміра Л. С. Бѣлогриць-Котлярев-

скаго, онъ прекрасно сдалъ въ Кіевѣ магистерскій экзаменъ и затѣмъ по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій получилъ званіе привать-доцента уголовного права и судопроизводства.

На эти стадіи ушло около двухъ лѣтъ, и когда осенью 1898 г. Е. Д. получилъ приглашеніе отъ Демидовскаго Юридическаго лица занять въ званіи привать-доцента вакантную кафедрѣ уголовного процесса, онъ принялъ это приглашеніе и въ концѣ полугодія выступилъ съ первой лекціей 31—32 лѣтъ отъ роду, т. е. вполнѣ зрѣлымъ, сложившимся человѣкомъ въ смыслѣ и общаго и научнаго міросозерцанія.

На кафедрѣ лица Е. Д. проработалъ непрерывно 15 лѣтъ; но затѣмъ его постигла тяжкая болѣзнь, которая выбила его изъ строя активныхъ работниковъ; около двухъ лѣтъ еще, продолжая числиться въ лицѣ и при малѣйшемъ облегченіи являясь въ Ярославль, онъ переносилъ разнообразныя страданія, и наконецъ его не стало. Одно время ему стало физически легче; смолкли острые боли нервовъ, лишившія его возможности двигаться, но зато длительные и смѣняющіеся лечебные эксперименты, вплоть до лежанія въ гипсовомъ корсетѣ, ослабили его сердце, подорвали надежду на выздоровленіе и на возможность работать, составлявшую цѣль и смыслъ его жизни, и вызвали тяжкую меланхолю, которая лишь незадолго до смерти ослабѣла и дала ему небольшой просвѣтъ.

Пишущій эти строки былъ много лѣтъ близкимъ другомъ почившаго, находился съ нимъ въ личномъ общеніи въ Кіевѣ и въ Ярославлѣ, работалъ на одной и той же кафедрѣ и велъ постоянную переписку въ годы разлуки. Разнообразнаго матеріала для оцѣнки крупной и свѣтлой личности Е. Д. поэтому въ рукахъ у пишущаго находится много; но сейчасъ, у свѣжей могилы Е. Д., еще не время подводить итоги; хотѣлось бы лишь хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ нарисовать этотъ дорогой и незабываемый образъ.

Какъ ученый, Е. Д. оставилъ сравнительно мало трудовъ, но, какъ увидимъ далѣе, онъ былъ глубоко продуктивенъ и лишь малую часть изъ написаннаго и окончательно отдѣланнаго сдавалъ въ печать. Двѣ болѣе важныя изъ напечатанныхъ работъ Е. Д. отмѣчены большими достоинствами. Въ первой изъ нихъ — «Моралистическое направленіе въ уголовномъ правѣ» — авторъ вдумчиво характеризуетъ теченіе, связанное съ именемъ французскаго криминалиста Жоли, критически разсматриваетъ это теченіе и даетъ ему глубокую оцѣнку, свидѣтельствующую объ огромной общей эрудиціи и возвышенности взглядовъ Е. Д. на важнѣйшія проблемы науки уголовного права. Значительно позже, въ статьѣ «Преподаваніе права и наша правовая дѣйствительность», появившейся въ журналѣ «Вѣстникъ Воспитанія» и отмѣченной тогда же

въ періодической прессѣ, авторъ, оцѣнивая бурныя событія столь близкой къ намъ по времени переходной эпохи, дѣлаетъ оригинальную попытку прослѣдить судьбу основныхъ уголовно-правовыхъ и уголовно-процессуальныхъ принциповъ какъ въ это время, такъ и въ сходныя эпохи въ другихъ странахъ, характеризуя, какъ юристъ, эти эпохи яркимъ именемъ «эпохъ великаго ослушанія». Анализируя привлеченный къ дѣлу историческій матеріалъ, Е. Д. даетъ яркую антитезу правосудія истиннаго, строго подзаконнаго, и правосудія-расправы, съ его дѣленіемъ всѣхъ на «мы» и «не-мы» и со всѣми соотвѣтствующими выводами.

По глубинѣ и отточенности мысли, по мѣткости опредѣленій, по силѣ юридическаго анализа и по изяществу изложенія эта маленькая по объему работа, по нашему глубокому убѣжденію, имѣетъ ббольшую научную и общественную цѣнность, чѣмъ иные фоліанты, гдѣ мысль читателя устааетъ отъ безконечныхъ мелочей и отъ полного неумѣнія ставить науку въ связь съ жизнью, улавливая биеііе ея пульса и отзываясь на ея наиболѣе наболѣвшія потребности.

Воистину можно сказать, что въ печати Е. Д. далъ non multum, sed multa.

Иногда о томъ или другомъ дѣятелѣ науки приходится слышать: «Да, онъ мало напечаталъ, но сколько цѣннаго и готоваго хранится въ его портфеляхъ». Но когда смерть или другія причины открываютъ эти портфели, въ нихъ оказывается столько или почти столько дѣйствительно цѣннаго и готоваго матеріала, сколько его было затрачено на новое платье короля въ извѣстной сказкѣ Андерсена.

Не таково рукописное наслѣдіе Е. Д. Пишущему эти строки и другимъ людямъ, близкимъ къ покойному, не разъ приходилось знакомиться съ его рукописями; можно смѣло засвидѣтельствовать, что велико и цѣнно оставленное наслѣдіе: эскизы по русскому уголовному процессу, какъ догматической дисциплинѣ, написанные Е. Д. для его лекцій, очерки уголовно-процессуальнаго строя на Западѣ въ XVII—XVIII вѣкахъ и анализъ причинъ, создававшихъ этотъ строй, яркія характеристики такихъ крупныхъ въ наукѣ уголовного права фигуръ, какъ, на примѣръ, Ансельмъ Фейербахъ, — все это носило въ общемъ законченный характеръ, отличалось глубокой оригинальностью мысли и тщательностью разработки и хватило бы не на одну, а на три или четыре книги. Мы не сомнѣваемся, что при содѣйствіи людей, близкихъ усопшему, и того Демидовскаго Юридическаго лица, которому Е. Д. отдалъ всѣ лучшіе годы своей жизни, все окончательно обработанное для печати появится на свѣтъ. Этого требуютъ и интересы науки, и долгъ благодарной памяти въ отношеніи къ Е. Д.

Невольно возникает вопрос, почему самъ Е. Д. не напечаталъ этихъ работъ, почему до конца своихъ дней онъ оставался магистрантомъ. Нелегко отвѣтить на этотъ вопросъ. Повидимому, тутъ былъ рядъ причинъ. Можетъ быть, тутъ сыграла роль нѣсколько болѣзненная мнительность, ранній предвѣстникъ грядущаго тяжкаго недуга; вообще въ Е. Д. чувствовался какой-то надломъ, хотя и плохо вязавшійся съ его мощной фигурой и богатыми силами его духа. Отчасти играло роль стремленіе къ филигранной отдѣлкѣ своихъ научныхъ произведеній, благодаря которому Е. Д. не разъ возвращался назадъ и перерабатывалъ уже готовые отдѣлы. Отчасти, наконецъ, могло имѣть значеніе и то, что Е. Д. могъ до конца работать лишь надъ темой, которая его увлекала. Стоило ему почему бы то ни было разочароваться въ темѣ — и онъ бросалъ работу, сколько бы ни было сдѣлано, и переходилъ къ другой темѣ, которая властно его захватывала, иногда на годы, но снова до новаго разочарованія.

Нѣсколько менѣе строго относился Е. Д. къ своимъ работамъ въ области публицистики, которымъ онъ отдалъ массу времени и по влеченію своего духа, и по необходимости пополнить скудный доцентскій бюджетъ, при которомъ не хватало на скромную жизнь, не говоря уже о леченіи. Онъ былъ членомъ редакціи и многолѣтнимъ сотрудникомъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія»; онъ любилъ этотъ журналъ, чутко переживалъ его горе и радости и несъ въ немъ самую разнообразную работу. Въ немъ онъ давалъ яркіе обзоры академической жизни и ея судебъ; въ немъ же помѣстилъ массу матеріала въ отдѣлѣ хроники и напечаталъ длинный рядъ статей по разнымъ вопросамъ образованія и воспитанія и за подписью, и за инициалами (Е. С.), и подъ псевдонимомъ.

Эти статьи, написанныя съ обычной прямою, свойственной Е. Д., однажды вызвали даже заботливый вопросъ министерства народнаго просвѣщенія, не мѣшаетъ ли преподаванію Е. Д. его дѣятельное сотрудничество въ журналѣ «Вѣстникъ Воспитанія», и Е. Д. пришлось, дорожа кафедрой, по которой онъ уже былъ штатнымъ доцентомъ, впредь почти отказаться отъ публицистическихъ выступленій за подписью и вести свое сотрудничество не столь «дѣятельно»... Какъ ученый, Е. Д. стоялъ близко по своимъ воззрѣніямъ къ русской группѣ международнаго союза криминалистовъ; онъ состоялъ въ ея рядахъ и участвовалъ въ ея сѣздахъ. На трибуну выходилъ онъ рѣдко, но и тутъ сказался своего рода *fatum*: какъ сейчасъ помнится выступленіе Е. Д. на послѣднемъ московскомъ сѣздѣ группы; многіе успѣли высказаться по докладу В. Д. Набокова, но лишь только Е. Д. удалось убѣдить также выступить и онъ поднялся на трибуну и произнесъ первую вступитель-

тельную фразу, председатель съезда по предъявленному къ нему категорическому требованію администраціи долженъ былъ объявить съездъ закрытымъ и остановить оратора. Эта тяжелая обязанность выпала въ данный день на долю пишущаго эти строки, а рѣчь Е. Д., къ сожалѣнію многихъ, такъ и осталась произнесенной. Но, если широкая публика мало знала Е. Д., то зато его хорошо знала и любила его аудиторія. Эта аудиторія въ дни лекцій Е. Д. неизмѣнно бывала полна. Е. Д. читаль просто, безъ всякихъ внѣшнихъ эффе́ктовъ, но изложеніе его всегда было живымъ и привлекательнымъ, тема — глубоко изученной и согрѣтой духомъ истинной человѣчности. На кафедрѣ, какъ и въ жизни, Е. Д. имѣлъ сосредоточенный и зачастую немного хмурый видъ, но стоило на этомъ лицѣ явиться улыбка — и оно сразу становилось кроткимъ и удивительно мягкимъ, а серьезное и вдумчивое изложеніе порой оживлялось неожиданными блестками юмора, свойственнаго Е. Д. какъ истому сыну Малороссіи, которую онъ горячо любилъ, хотя жизнь и забросила его на далекой сѣверо-востокъ.

Неудивительно, что съ слушателями у Е. Д. завязывались прочныя связи. Молодежь понимала его чуткость, убѣжденность и глубокую привязанность къ себѣ и платила за это не менѣе глубокой привязанностью. И по окончаніи курса многіе письменно и лично поддерживали сношенія съ Е. Д. и обращались къ нему въ разные моменты жизни, цѣняя въ немъ не только серьезнаго спеціалиста, но и человѣка.

И въ товарищеской коллегіи Е. Д. игралъ большую роль. Официально, не имѣя профессорскаго званія, онъ не имѣлъ и рѣшающаго права голоса въ совѣтскихъ собраніяхъ; но обаяніе его личности и его моральный авторитетъ были таковы, что всегда чутко прислушивались къ его голосу. Правда, Е. Д. не былъ, такъ сказать, боевымъ членомъ коллегіи; иногда онъ просто отходилъ, когда дѣлалось что-либо, чему онъ не сочувствовалъ; но, когда затрогивалось что-либо существенное и дорогое Е. Д. какъ ученому или человѣку, онъ, пока позволяло здоровье, неизмѣнно являлся и говорилъ свое мягкое, но всегда прямое и всегда принципиальное слово, и съ этимъ словомъ съ радостью соглашались одни, volens nolens иногда соглашались и другіе. Теперь, послѣ двухлѣтнихъ страданій, Е. Д. опустили въ могилу, но жива будетъ его свѣтлая память.

«Миръ праху твоему, дорогой учитель», — скажетъ многочисленная семья его учениковъ.

«Миръ праху твоему, дорогой товарищъ», — скажутъ всѣ, кто его зналъ, съ нимъ работаль и глубоко чувствуетъ, какую потерю понесли въ немъ наша наука и наша родина.

Проф. М. П. Чубинскій.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Юридическій Вѣстникъ» 1915 г., кн. X (II).
Гип. Г. Лиснера и Д. Собко, Москва, Воздвиж., Крестовоз. п., д. Лиснера.

00061055

ЮФ СПБГУ